ИМЯ СЕРГЕЯ КИРОВА МЫ СОХРАНИМ В ВЕКАХ!

Седьмая смена

Ленинград

Город не спал. Как раненый лев, поднялся он, огромный, клокочущий гневом и ненавистью против убийцы.

Нескончаемой вереницей тянулись ко дворцу Урицкого расцвеченные горящими факелами колонны людей. Пролетарии Ленинграда прощались с тем, кто вел их всегда вперед, кого они беззаветно любили, чью светлую память будут нерушимо хранить в своих сердцах.

На рассвете со звуками траурного марша слились прощальные гудки. Новые несметные колонны людей двигались из заводских и фабричных ворот ко дворцу Урицкого. Шли путиловцы, рабочие заводов имени Сталина и Балтийского, текстильщицы „Красной нити", „Веретена", „Красного знамени", „Работницы", „Красной ткани".

Медленно выходит из зала только что стоявший в почетном карауле у гроба того, кого близко знал и горячо любил Федор Федорович Голованов. 30 лет он работает плавильщиком на Ворошиловском заводе. За долгую свою жизнь пропустил он через огонь тысячи тонн металла. Но пламенный гнев и огромная печаль, которыми полна сегодня его грудь, жгут сильнее настоящего огня. Старый плавильщик выходит из зала, большим красным платком задерживая в глазах набегающие слезы. Он камнем садится в соседней комнате на первый попавшийся стул и глухим дрожащим голосом спрашивает сам себя:

— Что же это? Неужели нет больше Мироныча?..

В 16 часов к дворцу Урицкого подходят новые воинские части.

Бойцы Красной армии пришли отдать тов. Кирову последние воинские почести. В почетный караул становится высший начсостав Ленинградского военного округа. Сошла пятая смена. В этот момент входят в зал тт. Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Чудов, Ягода. Они подходят к постаменту, на котором установлен гроб с телом т. Кирова и скорбно вглядываются в дорогое лицо погибшего на своем посту любимого, стойкого и непоколебимого товарища, верного друга, неоценимого соратника в великой борьбе за победу социализма.

Шестая смена сдает почетный караул тт. **Сталину, Молотову, Ворошилову и Жданову.** Лучшие люди нашей партии — ее мозг и сердце, — они стоят в почетной страже у гроба товарища, сильные и величественные, как всегда,—рулевые Страны Советов, ведущие нашу великую родину от победы к победе. (**„Известия"**)

Пролетариям города Ленина

Пусть враги помнят, что не только боль, но и великий гнев потрясает наши сердца. Смерть Кирова дорого обойдется врагам!

Товарищ Киров будет похоронен в Москве, на Красной площади. Эту могилу, эту утрату никогда не забудут московские пролетарии. Тяжела боль, велика потеря. Но не дрогнут наши железные ряды.

Нет в мире такой силы, которая могла бы поколебать могучую организованность, силу, спаянность нашей родной большевистской партии, потому что она — ленинско-сталинская партия, которая знает, куда вести дело, и не боится трудностей.

(Из письма рабочих Москвы).

КИРОВ

Борис Лихарев

На трибуне товарищ Киров!
Грохот катится по колоннам,
Заглушающий барабаны,
Медногорлых фанфар голоса.
На трибуне товарищ Киров!
Вверх октябрьские знамена,
Громче выкрики пионеров
И приветственная гроза.

Вот фуражку снимает,
Машет,
Чуть прищурившись, машет Киров
Стародавним своим знакомым,
Закалычным своим друзьям,—
Машет выборгским бригадирам,
Всем районам
И всем райкомам,
И ребятам с Электросилы
И путиловским слесарям.

И ему отвечают громом!
Громом выкриков и приветствий,
Залпом вскинутых к небу шапок,
Бурей поднятых к небу рук,
Потому что для всех знаком он.
Потому что он близок,
Дорог,
Потому, что товарищ Киров—
Неподкупный главарь и друг.
Потому, что товарищ Киров
В неумолчном рабочем шуме,
Вел к победам он повседневным,—
В бой трудящихся вел отряд.
В наступление,—
За первый трактор!
В наступление,—
За первый блюминг!
В наступление,—
Сквозь все преграды,
Ленинградский пролетариат.
И сегодня, товарищ Киров,
Наш любимый и непреклонный,
Болью, горечью и отмщением
До предела полны сердца.

Прораб великих работ

Из воспоминаний директора курской ТЭЦ тов. И. ВИТАСА

Совсем недавно, за несколько недель до своей смерти, С. М. Киров сказал: „Нужно, чтобы нам в повседневной практической работе всегда сопутствовала большевистская, честная, благородная внутренняя тревога за дело партии". Эти черты большевика: „честная, благородная внутренняя тревога за дело партии"—ярче всего сказались в облике самого Сергея Кирова.

Сергей Киров очень любил жизнь. Славный и преданнейший ученик и соратник Ленина и Сталина, он все свои силы отдал на то, чтобы радостной и прекрасной была жизнь трудящихся. Ведь это он считал величайшим счастьем для себя — „быть прорабом на этих величайших работах постройки новых дворцов". Он всегда вникал во все мелочи, во все детали работы и жизни людей, которые возводят леса социалистической стройки. К нему шли руководители предприятий, новых строек, инженеры, рабочие, колхозники, дети, к нему всегда были обращены сердца и любовь трудящихся Ленинградской области. И никому никогда не отказал Сергей Миронович Киров в своей помощи.

В 32 г. мне пришлось работать в проектбюро Уральского электро-машиностроительного комбината. Тупость и рабья приверженность к косности отдельных работников, от которых часто зависела и наша работа, тормозили проектирование строительства. Когда сами уже ничего не могли сделать,—мы шли к Сергею Мироновичу.

Он встречал нас приветливо и просто. Невысокий, плотный, с задорной шевелюрой темно-русых волос над чистым крутым лбом, поднимался он навстречу нам. Из его глаз, казалось, исходили светлые потоки радости, смеха, любви. Он привык к нашим „вечным затруднениям" и шутливо встречал нас:

— Ну, что нового у вас? В чем дело?

Все „новое" было ему известным. Он успевал следить за работой многих,—многих людей и предприятий, чтобы вовремя прийти им на помощь.

Мы выкладывали ему свои сомнения, рассказывали о своих неудачах.

— Что же вы плохо напирали,— смеялся он, и сейчас же спрашивал:— Кто в этом виновен?

Он быстро умел организовывать людей вокруг конкретной задачи партии, сплачивал их, помогал убирать всяческие препятствия.

К Кирову шли не только с делами государственного значения, но и с личными. Он всегда внимательно выслушивал посетителей и, если надо, немедленно помогал им.

В моей памяти остался такой случай. Один из рабочих нуждался в курортном лечении. Бюрократы предприятия на котором он работал, не помогали. Человек метался от одного учреждения к другому, натыкаясь на равнодушное отношение. Его задергали, он окончательно потерял способность спокойно и плодотворно работать. Тогда он обратился к тов. Кирову. Сергей Миронович привлек к ответственности ряд работников, и в тот же вечер автомобиль самого Кирова отвозил на станцию рабочего, у которого лежали в кармане билет и путевка на курорт.

Авторитет тов. Кирова был чрезвычайно высок среди рабочих, инженеров, партийных работников, среди всех трудящихся Ленинградской области. Его имя всегда было для нас, инженеров, синонимом честности, благородства, беззаветной преданности революции.

При воспоминании о нем приходят на память слова одного из героев повести „Баррикады": „Идея социализма для меня, как и для многих других, давно стала идеей идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все—из нее, для нее и в нее. Она—вопрос и решение вопроса. Ею я об'ясняю жизнь мою, твою и всех".

Курский областной совет профессиональных союзов с глубокой скорбью выражает соболезнование по поводу тяжелой утраты, постигшей партию и рабочий класс,—смерти одного из лучших сынов нашей партии, боевого соратника **ЛЕНИНА и СТАЛИНА**, любимого вождя ленинградского пролетариата

Сергея Мироновича КИРОВА.

Заверяем, что члены профессиональных союзов Курской области ответят на эту тягчайшую потерю еще более крепким сплочением вокруг ленинского ЦК и любимого вождя тов. СТАЛИНА.

ОБЛПРОФСОВЕТ.

Сергей Миронович Киров на с'езде колхозников-ударников.

Тов. Сталин и тов. Жданов у гроба С. М. Кирова (Ленинград—дворец Урицкого).

Человек--друг--учитель

Ф. ПАНФЕРОВ

Через белесые снега, примятыми тропами шли люди в нардом. Никогда нардом не был так забит людьми, как вчера... И после каждой речи люди клялись быть такими, каким был Киров.

Вот на трибуну поднимается рабочий совхоза. В горле у него что-то булькает, что-то мешает ему говорить... Ведь он знал Кирова по фронту.

— Мы, ведь, с ним... с Кировым на Северном Кавказе... Да, да, прошли. Он нас вел...—и рабочий не может дальше говорить.

И сколько людей—может быть, впервые—не досказали в эти дни то, что хотели бы сказать.

О таких людях, как Киров, трудно не только говорить, но и писать: такие люди рождаются только в эпоху пролетарской революции, в эпоху небывалой перетряски человеческой истории и писать о таких людях—значит, писать о доподлинных коммунистах, писать о партии, ее вождях,—о людях, которые смогли выразить в практике, в политике, в философии, в жестоких боях душу рабочего класса. Писать о Кирове—значит, писать о той горе, на которую нам еще очень долго придется взбираться.

Каждый из нас знал Кирова по фронту, по работе в Баку, Ленинграде, знали мы его, как замечательного политика, как умнейшего оратора страны и, ясно, хотелось его всегда посмотреть вблизи.

Вблизи мне его удалось увидеть совсем недавно в Ленинграде—на дружеской встрече Ворошилова. Он сидел рядом с Ворошиловым, в серенькой рубашке—и мне даже показалось, что на нем поясок из тесемки. До этой встречи он представлялся таким массивным, крупным, суровым, а тут он совсем низенький, лицо сероватое и, как будто, кое-где на лице виднеются рябинки... И какой он стеснительный... Он все время улыбается, жмется, словно норовит спрятаться от любопытных глаз.

От такой неожиданной встречи я застыл за столом, как загипнотизированный кролик.

— Киров! Вот бы с кем поговорить. Ведь он же друг Сталина (я тогда „страдал" вопросами колхозного строительства). Но как к нему подобраться? Ведь, он человек очень занятый. Еще скажет: „Лезут".

Я так и не подошел к нему, издали следя за ним, за движением его губ, за морщинками, которые быстро собирались, когда он улыбался, за его плавным и мягким движением рук, которые он все время прятал под стол. И вдруг он мне улыбнулся—улыбнулся как то по-особому, проникновенно, и я, не отдавая себе отчета, подчиняясь этой улыбке, поднялся со стула и, глядя только на него, на Кирова, пошел к нему.

— Ну, как дела у вас в деревне?— начал он, уже откуда то зная, что я часто раз'езжаю по деревням.

— А я хочу вас о деревне расспросить.

— Меня? Да вы же, писатели, лучше нас знаете, как живут люди. Вот как то я был на даче у Сталина. Прихворнул немного. Сталин дал мне книгу одного писателя о деревне и сказал: „Прочти. Они, писатели, лучше нас знают народ". Вот видите.

И он заставил меня говорить. Он только иногда вставлял слово—два, поправляя, укрепляя во мне то, что накопилось, что переболело, и с удивительным вниманием слушал, накренив голову, а глаза его—синеватые—вспыхивали огоньками.

Через десять—пятнадцать минут я заметил:—я целиком подчинен ему, этому человеку, который заставил меня говорить. А выйдя на улицу, на буйную, кипящую людьми улицу Ленинграда,—я вдруг почувствовал, что мне хочется жить, жить по-настоящему, кипуче, творчески, полезно, ибо этот человек зарядил меня, как пушку.

— Так вот в чем сила его—вождя ленинградского пролетариата: он, как великий волшебник, открывает в людях кипучие источники жизни. И вот они—эти силы, пробужденные нашими вождями, вот они двигаются по улицам Ленинграда из театров, кино, с заводов и домашних вечеринок, расходятся по домам, эти творцы нашей прекрасной действительности.

Так, взвинченный Кировым, я из улицы в улицу долго бродил по Ленинграду. Ленинград постепенно смолкал, замирал, чтобы в утро снова подняться с кипучей энергией.

Во второй раз мне Кирова вблизи удалось увидеть на трибуне партийного с'езда. Я стоял почти у самой трибуны. Была какая-то секунда абсолютной тишины. Смолкли встречные бурные аплодисменты, еще не начал говорить Киров, и зал—длинный, огромный, с тремя--четырьмя тысячами слушателей, замер в ожидании. Как он начнет говорить? Возможно, он произнесет сухую, тяжелую, нудную, избитую речь, и тогда останется досада, боль за этого человека. Возможно, он начнет восклицать, с надрывом, как это делают иные, думая, что криком можно всех „укокошить". И тогда опять разрушится образ этого славного человека.

Да, это была какая-то секунда тишины... И вот Киров поднял руку, выпятил ее вперед, повел ею, точно причесывая иных непричесанных делегатов с'езда и заговорил... заговорил так, как будто он находился не на трибуне, а за столом, в дружеской беседе, и перед ним сидят не делегаты с'езда, а соратники по фронту, по хозяйственному и культурному строительству...

Заговорил он просто, о самых простых вещах, о том, чем живут миллионы—и зал потянулся к нему, как тянутся дети к рассказчику. Но вдруг в голосе Кирова дрогнула нотка, губы чуть-чуть искривились в усмешке, в глазах забегали огоньки: он заговорил о тех, кто всю революцию провел в обозе. Напомнив о том, как тянулся обоз в тылу армии, он кое-что сказал про обозников, и сидящие в зале сначала не поняли в чем дело, а Киров чуть повысил голос и указал пальцем на обозников в нашей стране... Тогда раздался хохот:—хохот участников с'езда, гостей, тех, кто революцию провел на передовых линиях огня...

— Это я так, просто... по-человечески рассуждаю,—добавил он и снова взорвал зал.

А когда он сказал о том, что наша партия, наша страна так много сделали для человека, что и ему—Кирову—теперь особенно хочется жить—зал уже бушевал, потрясал руками, аплодировал, одаривая его, человека, который давно уже привык к овациям.

Речь его была проста и мудра, как и он сам--Киров, как и наша партия...

...И вот он убит.

...Сегодня у нас здесь—в далеком от Москвы и железных дорог совхозе им. Тельмана—хлопьями падает снег. Снега белыми покровами прикрыли черноземы. Снег лег на ветви деревьев, гнет их, оголенные, своей тяжестью к земле.

Какая тут тишина... И хочется рыдать.

Село Иван, Совхоз им. Тельмана. Курская область